

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

ЦЕНТР ГОДА ЛИТЕРАТУРЫ – ЯКУТИЯ

В Якутии 19-22 июня прошли Дни российской литературы и пленарное заседание выездного секретариата Союза писателей России. По решению Главы Республики Егора Борисова таким образом отмечено 20-летие значимого для писателей мероприятия: в 1995 году Якутия приняла у себя выездное заседание секретариата СП России. В трудное время, когда страну сотрясала перестройка, рушились советские институты и вместе с ними писательский Союз, именно на якутской земле состоялся значимый разговор, ставший своеобразной точкой отсчёта в деле возрождения организации. Прозвучавшие тогда оценки помогли и республике Саха (Якутия) двигаться осмысленно в мутном потоке процессов происходящих в культуре.

И вот в Год литературы в Российской Федерации лучшие поэты, прозаики, критики со всей страны снова съехались в Якутск, чтобы за круглым столом обсудить проблемы развития национальных литератур, утвердить статус писателя в современном обществе.

Мне посчастливилось побывать в Якутии в 2006 году, когда широко отмечалось столетие со дня рождения Героя Социалистического труда прозаика, драматурга, этнографа, музейоведа Дмитрия Кононовича Сивцева-Суоруна, автора многих учебников, в том числе якутского букваря. Его перу принадлежат комедия и драмы; он – автор либретто ко многим театральным постановкам Якутского музыкально-драматического театра. Им написан ряд историко-краеведческих работ и произведений для детей. Сивцев вёл широкую культурно-просветительскую деятельность. Он является основателем Ленского историко-архитектурного музея-заповедника «Дружба», музея под открытым небом Хадаайы, Черкёхского

Светлана Макарова-Гриценко

В Музее дружбы народов, с. Соттинцы.

музея политической ссылки в Таттинском улусе, куда в 2006 мы добирались на вертолёте. Никогда не забыть якутских встреч, сердечного гостеприимства хозяев, когда каждый стремился одарить гостя!

Эта поездка стала одним из самых ярких событий в моей биографии. И вот снова представилась возможность увидеть столицу Полярного края, встретиться с друзьями. Принять участие в обсуждении проблем.

Благодаря перелёту в высоких широтах солнечный московский вечер продлился на целых шесть с половиной часов и незаметно стал якутским утром. Во всё время полёта небо оставалось чистым, лишь лёгкие об-

лачка проплывали порой внизу. И тень их скользила по строго расчерченным полям или курчавостям необъятных лесов, по плавным извилям рек, осколкам озёр. По космическим ландшафтам гор со сплывшими вершушками, похожими на расплывшееся тесто. По неисчислимым блёсткам паводка, кажется, это было за Енисеем; по белым рябушкам, природу которых трудно определить с высоты, возможно, песчаные или меловые горные откосы. И как же повезло, что место в самолёте оказалось у иллюминатора: из проплывающей внизу пёстрой мозаики складывалась, открывалась не только взгляду, но и сердцу великая

страна в гигантской широте своей и долготе! Открывалась Россия! Огромное счастье для писателя увидеть её просторы и ощутить кровную связь с ними. Понять себя частью этой земли, глядя на новые и новые дали: «Вот она какая – Родина!»

В Якутске самолёт приземлился всё в тот же сияющий солнцем день, на часах по местному – половина седьмого утра. Председатель Союза писателей Якутии Наталья Харлампьева и представители Администрации республики вместе с артистами в национальных костюмах встречали писателей румяным караваем и кумысом.

И вот наш автобус двигается по Якутску. Теперь это современный город с многоэтажными постройками, новостроек очень много! Старые деревянные дома, на которые я обратила внимание в свой первый приезд, почти исчезли. Город раскрашен в яркие тона, радуют глаз клумбы и зелёные насаждения. Горожане одеты совсем по-летнему, сразу и не поймёшь, куда мы прилетели – на юг или на север! И, двигаясь к гостинице, мы частенько «прилипаем» к окнам, разглядывая памятники и мемориальные доски, установленные благодарными якутянами своим знаменитым землякам. Причём, если говорить о писателях, памятники не только им, но и героям книг, полюбившихся читателям.

В комфортабельной гостинице «Полярная звезда», куда нас заселили, прямо в вестибюле первая диковина – чучела мамонта и его детёныша в натуральную величину! Потрясённые гости не сразу попали в свои номера, восхищённо разглядывая реликты. После небольшого отдыха – снова в автобус, впереди две экскурсии.

(Окончание на стр. 2)

ПАНОРАМА

ФЕСТИВАЛЬ КУБАНСКИХ ТАЛАНТОВ

Фестиваль «Родники земли кубанской», посвященный Году литературы в России, прошёл в городском Дворце культуры Тихорецка. Перед входом в зал была организована выставка произведений авторов, приехавших со всей Кубани на праздник слова. Творческий форум открыл его вдохновитель, член Союза писателей России и Международного Союза писателей и мастеров искусств, руководитель зонального литературного объединения «Родник» Г. Н. Ужegov. Собранных приветствовали заместитель главы города Тихорецка Елена Дьячук, член Союза писателей России, секретарь правления Международного Союза писателей и мастеров искусств Леонид Север, директор Таганрогского издательства «Юанс» Юрий Кучма.

На фестивале были подведены итоги конкурса «Поэт года», учрежденного Краснодарским региональным отделением Союза писателей России. Среди победителей оказалась наша землячка Ольга Худякова, ст. Ново-Рождественская, она заняла третье место. Второе – у Сергея Чепрова

из Темрюка. А пальму первенства получила Валентина Курмакаева из Ростова-на-Дону.

Гвоздем программы стали визитные карточки хозяев и гостей фестиваля. Самой многочисленной была тихорецкая группа. С гордостью сообщили «родниковцы», что из наших мест вышли в большую литературу Аркадий Первенцев и Юрий Кузнецов, Валерий Горский и Александр Скоков, что им на смену пришли новые члены Союза писателей России Генрих Ужegov и Борис Стариков, Владимир Романов и Ольга Немыкина. Их стихи прочитали участники тихорецкого детского образцового театра «Маска» из клуба «Красный молот» под руководством Надежды Паловой. Украсили выступление тихорчан песни Анастасией Дацки.

Достоинство представили свое творчество литературные группы и клубы из городов Кропоткин, Курганинск, Кореновск, Усть-Лабинск, Горячий Ключ, Белоченск, Гулькевичи, из станиц Павловской, Куцевской, Матвеев Курган Ростовской области. Прозвучали му-

зыкальные приветствия вокальной группы «Родники» из Кореновска, композитора и исполнителя Анатолия Покутного из Курганинска, дуэта Людмилы Леонтьевой и Светланы Фрейн из станицы Ново-Рождественской, Игоря Кулигина из Тихорецка, переложившего на музыку стихи своего дяди – одно-

фамильца. Во время творческого перерыва гостей угощали чаем «Вдохновение», галерея современного искусства «Дракар» приглашала зрителей. Работал также свободный микрофон.

Во второй части фестиваля прозвучало много стихов и песен самодельных авторов, состо-

ялся обмен печатными публикациями, адресами, приглашениями на новые встречи. Руководители литобъединений получили Благодарственные письма за участие в празднике. Приз зрительских симпатий – настенные часы – был вручен под аплодисменты поэту из Павловской – Анатолию Ходусу. Программу праздника вела сотрудник центральной городской библиотеки им. М.Ю. Лермонтова Елена Аулова и поэтесса Галина Тарасенко, им помогли члены «Родника» Валентина Коновалова, Лина Жидкова, Ирина Сенькина, Ольга Худякова, Михаил Гугучкин, Григорий Евтух и автор этих строк. Электронную презентацию о жизни и творчестве мастеров слова подготовила библиотечный сотрудник Наталья Брошко. Благодаря организаторам – тихорецкому «Роднику», городской центральной библиотеке имени Лермонтова во главе с директором ЦБС Оксаной Калининой., Дворцу культуры, клубу «Красный молот», школе искусств, галерее «Дракар» фестиваль кубанских талантов удался на славу!

Розалина Варавина,
член Союза журналистов
России и ЛИТО «Родник».

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

ЦЕНТР ГОДА ЛИТЕРАТУРЫ – ЯКУТИЯ

(Окончание. Начало на стр. 1)

Светлана Макарова-Гриценко

В туристическом комплексе «Царство вечной мерзлоты» я побывала впервые. У обычной с виду горы – пристройка в виде яранги. В вестибюле на нас надели серебристые тёплые плащи с капюшонами и предложили переобуться в зимние боты. Несколько небольших шлюзов-коридоров и вместо лета – зима! Под ногами скрипит настоящий снег, а стены длинного разветвленного тоннеля в причудливых узорах изо льда и инея. Переходим по скользкой дорожке из одного зала в другой, вдоль стен – подсвеченные цветными фонарями сложные ледовые композиции, скульптуры, изображающие героев национального эпоса «Олонхо», причудливые звери и птицы, искусно вырезанные национальные узоры.

Резиденция Деда Мороза с ледяным треном, зал Снегурочки, зал с настоящей ледяной горкой – каждый может прокатиться! И конечно, выставлены находки археологов: останки шерстистого носорога, лося, в одном из залов – похожий на гостиничного – огромный мамонт. И про угощение хозяева не забыли: строганина из чира и сорокоградусная в ледяных стопках для уже всерьёз околоченных гостей – спасение!

Вторая экскурсия – в сокровищницу республики Якутия, в мир алмазов, бриллиантов, золота и серебра, драгоценных и полудрагоценных камней и минералов, искусных украшений, сделанных руками талантливых якутских ювелиров (только в 2014 году в республике было произведено ювелирных изделий на 884 млн рублей). В 2006-м я уже бывала в сокровищнице, но кто ж откажется посмотреть на красоту ещё раз!

Первый день пребывания в Якутии закончился большим праздником в театре оперы и балета им. Д.К.Сивцева – Суорун Омоллоона, посвящённым открытию Дней Российской литературы. Памятные знаки, почётные грамоты и благодарности получили писатели, переводчики, издатели, составители книг о якутах, о классиках якутской литературы. Среди них Владимир Дементьев, Николай Коняев, Аркадий Елфимов, Юрий Перминов, Анатолий Парпара и другие.

Следующий день для писателей начался не на якутской земле, а на якутской воде. Полноводная красавица Лена, о которой М. Ломоносов писал: «Там Лена чистой быстринной, как Нил, народы напоет...», на четырёх катаерах понесла нас по своим жёстким волнам. Когда я увидела Лену с борта самолёта в 2006-м, помню, как поразил её тёмно-коричневый цвет. Теперь те же красно-охристые волны перекачивались близко-близко вдоль бортов катаера и разбивались мотором в сверкающие брызги. Путь был не близким, в село Соттинцы, куда в прошлый приезд мне не удалось попасть. Одна из достопримечательностей этих мест – Спасо-Зашиверская церковь, памятник русского зодчества XVII века, оригинал которого, единственное уцелевшее здание исчезнувшего заповедного города Зашиверска, в 70-х годах прошлого века перенесен в Академгородок в Новосибирске. В 2005-м под руководством народного писателя Якутии Д.К. Сивцева-Суорун Омоллоона церковь была восстановлена и находится в Музее дружбы народов, в селе Соттинцы Усть-Алданского улуса. Где нас ждали на празднике сысах, празднике солнцеворота.

Наступившее лето местные жители приветствовали национальными песнями и танцами. Главное угощение – кумыс в деревянных чоронах. В традиционном осухай-хороводе вместе с хозяевами закужились и гости. В Спасо-Зашиверской церкви в честь приезда писателей был отслужен благодарственный молебен, празднично звонили колокола.

Народное гуляние на густо цветущих лугах совмещалось с театрализованными постановками, хореографическими номерами, песнями, состязаниями борцов. Понятно, что в Дни литературы нельзя было обойтись без выступлений писателей. Поэтические строки и обращения соттинцы (все в национальных костюмах, у женщин помимо пышных платьев – серебряные украшения, вес которых достигает 7 кг) встречали горя-

чими аплодисментами.

Одно из самых ярких впечатлений, на мой взгляд, пришлось на конец дня, когда писательская делегация вышла на высокий берег притоки Лены, откуда открывались завораживающие просторы: пёстрые многоцветные луга и серебристые тальники над извилинами реки, уходящие к небесам дальние леса и горы. Как же красива якутская земля! Как велика Россия!

Открытие дней литературы в Якутске

В третий, заключительный и самый значимый день, писателей пригласили в актовый зал Дома правительства республики Саха на пленарное заседание выездного секретариата Союза писателей России, где шла речь о национальных литературах, переводах произведений на русский язык и издательском деле.

Очень эмоциональным стало выступление председателя Союза писателей Якутии Натальи Харлампьевой, которая затронула проблемы касающиеся всех. Ведь полностью порушена в стране система книгораспространения. Государству не интересно, что читают в разных регионах страны. И уже двадцать лет Россия не видит национальной литературы, потому что та не переводится на русский язык. «Нельзя понять

мы в Якутии ещё пользуемся уважением, потому что почитание Слова заложено в якутах с древних времён, ведь олонхосуты были носителями национального эпоса. Но в других регионах страны многие писатели просто бедствуют».

О том, что книга в Якутии занимает почётное место рассказал и министр культуры и духовности республики Саха В.П. Тихонов. С 2012 по 2017 год на книгоиздание из бюд-

жета запланировано 19 955000 руб. Большие средства выделяются на укрепление материальной базы писателей, только на работу с молодыми авторами в этом году запланирован один миллион рублей. Сто якутских писателей рекомендованы для обязательного прочтению молодёжью. В 2015 выходят 125000 экз книг, среди них и переиздания классиков в переводе на якутский. Постоянно проходят конкурсы, направленные на повышение качества чтения. При этом население Якутии – 950 000 человек.

Слушая эти выступления, я, конечно же, думала о Кубани, о том, что в последний раз средства из бюджета на издание книг мы получали в 2001 году. В далёком прошлом и писательские командировки, когда кубанские литераторы имели возможность

Писатели в Доме правительства республики Саха (Якутия)

другого человека, не зная обычаев, истории его земли», – констатировала Наталья Ивановна. По её словам, переводы сейчас бывают только по дружеской договорённости, в то время, как в многонациональной стране этой проблемой должно заниматься Федеральное агентство по культуре, которое озабочено лишь переводами западных авторов и продвижением их на нашем книжном рынке. «Статус писателя в России – неудачник! – продолжила Н.И.Харлампьева –

встречаться со своими читателями в городах и районах края. Даже литературные праздники, которых и так совсем немного на Кубани, например, ежегодный Лермонтовский в Тамани, давно проходят без участия наших писателей».

Словно услышав мои мысли, алтайский поэт Бронтой Биджуров с трибуны пленума категорически заявил, что националы, получив помощь, сегодня должны обеспокоиться положением русских писателей. «Как дети

заботятся о родителях, так и мы обязаны поддержать русских литераторов!» – заключил он.

Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, подводя итоги, призвал брать примером отношение республиканских руководителей к своим писателям и назвал подвигом издание в наше время «Антологии якутской поэзии» на двух языках, издание книг классиков, похвалил за переводы на якутский язык Омара Хайяма, Конфуция, призвал писателей в Год литературы ещё более требовательно относиться к своему творчеству и достойно нести слово в массы.

После завершения работы пленарного заседания секретариата СПР разговор продолжился на встрече с главой республики Е.А.Борисовым, который так же высказал озабоченность положением и состоянием литературы сегодня. «Где-то государство находит правильные механизмы регулирования, способствующие пониманию обществом тех или иных явлений, а где-то мы снова не успеваем, запаздываем, – обратился он к писателям. – Как наиболее яркий пример, можно привести хаос, который царит сейчас в сети Интернет, где абсолютно любой человек, сделав несколько нехитрых манипуляций, не вступая ни в какие творческие союзы, превращается в писателя и начинает формулировать некие мысли и умозаключения, которые далеко не всегда становятся полезными для общества. Однако и само наше общество, видимо, пока не созрело для того чтобы единодушно признать, насколько опасной может быть подобная информационная вседозволенность. Уверен, что рано или поздно, порядок в этой области будет наведен. Жизнь сама расставит всё по местам. Но упущенное время, опять же, никто уже не вернет, никто не возместит нам ущерб от негативного воздействия сегодняшнего бардака в информационной среде». Поддержали писатели и утверждение, что «литература – это, безусловно, фундамент всей национальной культуры», способное справиться с «бедами нашего общества – разобщённостью, равнодушием, цинизмом, отсутствием мотивации к проявлению инициативы, неверием в справедливость, в возможность самостоятельно добиваться успеха».

В ответном слове председатель СПР Валерий Ганичев поблагодарил Главу Республики от имени писателей, участников Дней литературы: «Все мероприятия были организованы на высоком уровне. Мы увидели, почувствовали грандиозность национального праздника, бережного отношения к слову, к традициям, что вызывает просто восхищение. Это искреннее отношение останется у нас в душе навсегда. В эти дни Якутия стала центром Года литературы».

И опять я подумала о Кубани. Вот так же на пленум ведущие прозаики и поэты страны приезжали в Краснодар в далёком 1999 году, и с тех пор ни одного значительного литературного собрания не было. Более того, в нашем богатейшем крае нет ни одной всероссийской литературной премии, при том, что в скромном Орле, например, их четыре! Мысли о родной Кубани, о невосребованности наших писателей не покидали меня и в самолёте. И в Москве, на Красной площади, где через несколько дней я оказалась на открытии фестиваля «Книги России», наивно надеясь встретить земляков. Увы, краснодарского стенда не было среди очень скромно представленных 33 областей и республик страны. Был там Ставрополь, был Ростов-на-Дону, была Тюмень и Якутия. Приехали писатели из Самары, Калининграда, Курска, Орла... но никого из кубанцев.

Коллеги рассказали, что закрылся Дом литератора в Барнауле. И сразу вспомнился наш сиротливый офис на дальней окраине Краснодара, где с 2010 года обитают кубанские писатели. И который, в связи со скудным финансированием, мы тоже можем потерять.

...Да, прав наш председатель Валерий Николаевич Ганичев: центр Года литературы – Якутия.

Якутск-Москва-Краснодар.
06.2015.

МНЕНИЕ

ПРО ГОД ЛИТЕРАТУРЫ И КНИЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В Год литературы наши книжные магазины стремительно закрываются прямо перед носом тех, кто ещё не забыл ценность книги, а на их месте появляются помещения общепита, ночные клубы и магазины, специализирующиеся на одежде и технике. Прохожу места, где вроде совсем недавно были толпы людей, где можно было приобрести книгу по приемлемой цене, а что теперь? В тех редких магазинах, где всё ещё продаются книги – ликвидация товара и бешеная наценка. За ту сумму, что сейчас предлагают за одну книгу, ранее можно было купить как минимум трёхтомник.

Ценность же книги в обществе действительно упала и никто её не собирается поднимать. Одной из причин, на мой взгляд, является популяризация электронных книг. Доходит до абсурда, когда в книжном магазине, в котором и так на полках пылятся книги в виду своей, так сказать, нынешней неактуальности, вывешивают плакаты, где призывают скачать электронные версии новинок беллетристики на указанном сайте. И покупатель, записав адрес, выходит из магазина. А зачем им тратить деньги, когда можно прочитать то же самое абсолютно бесплатно? Обидно слышать, когда молодёжь говорит о книге, как о «бумажном пылесборнике, который только место лишнее занимает». Но ведь призывают их к подобному мнению рекламные плакаты в книжных магазинах! И это тоже акция приуроченная к Году литературы, так понимать?

Смотришь статистику – и вообще чувство какой-то безысходности накрывает. Вот некоторые цифры, которые приводит в своей статье главный редактор издательства «Вече» Сергей Дмитриев («Страшно представить Россию без книжных магазинов», Литературная газета, №7 2015):

«Впервые за всю историю современного российского книгоиздания в 2014 г. было выпущено немногим более 500 миллионов книг. В советские времена был максимум – 1,8 миллиарда книг для всего СССР <...> На 1 млн. населения даже в благополучной Москве существует только 10 книжных магазинов, в Санкт-Петербурге – 32,7, а в Великобритании, к примеру, – 46,8, в Канаде – 55,7, в Финляндии – 69,8. Ещё печальнее статистика по библиотекам: если в Москве на 10 тысяч населения лишь 0,4

библиотеки, в Санкт-Петербурге – 0,5, то в Великобритании – 4,8, в Канаде – 4,9, в Финляндии – 11,4 <...> В деревнях и посёлках книжных магазинов нет совсем, а это значит, что 35 миллионов человек вообще не имеют доступа к книге. В маленьких городах с населением до 50 тысяч человек тоже нет настоящих книжных магазинов. Это ещё 25–30 миллионов человек, отрезанных от книг. Получается, что почти половина населения России не имеет постоянного и реального доступа к книгам».

Деградация налицо, разве нет? А ведь когда-то мы были самой читающей страной, а с такими тенденциями неудивительно, что мы и вновь можем стать первыми. Только с конца.

А что насчёт такого «грандиозного» мероприятия, как открытие Года Литературы? После подобного торжества вообще теряешь последнюю надежду, ведь мало кому известные современники поют дифирамбы писателем примерно такого же уровня, ну и «по стандартам» приплетая в свои круги Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чехова, чтобы не совсем скудно их писательская община выглядела. Но если уж и решили о классиках вспомнить, то совсем не объективно выглядел «обход стороной» многих не менее талантливых из них. Почему не сказано ни слова о Горьком, о Шолохове, Есенине, Платонове и многих других? Хотя да, действительно, упомянуть их времени бы не хватило, ведь нужно было рассказать об общественной о таких талантах в писательских кругах, как Толстая, Улицкая, Пригов, Сваровский. Об этом литературно-историческом дисбалансе Захар Прилепин, который, кстати говоря, тоже был упомянут на празднике жизни, сказал следующее:

«Ребята, ну нельзя так. Это же год нашей общей литературы, что уж вы! Огромной русской литературы, не только западной, но и консервативной. Не только антисоветской, но и «левой». Не только русской – но и имперской, разноязычной». Конечно, представителей большинства из указанных им направлений проигнорированы вовсе. А может организаторы сего спектакля просто незнакомы с творчеством этих авторов, поэтому решили не засорять умы и себе и всем свидетелям происходящего. Ну да ладно, пусть это остаётся все на их совести, а мы идём дальше.

Вот только куда идти? Как говорят сейчас, против ветра и антилитературного Кремля? Руки ещё не у всех опустились, и если правительство не заботится о том, чтобы Год Литературы действительно соответствовал названию, вся надежда остаётся на людей, которые не хотят окончательного падения книги, которые не хотят закрытия литературных «толстых» журналов, находящихся сейчас по-настоящему в затруднительном положении, в виду того, что практически растеряли свою основную аудиторию, да и финансировать их уже мало кто берётся. Хотя спасти литературные журналы можно было бы и без особо сильных затрат. Вот, например, что предлагает главный редактор журнала «Москва» Владислав Артёмов: «Наш читатель – человек традиционной культуры, посетитель библиотек. Нужно сделать так, чтобы хотя бы каждая десятая библиотека подписалась, скажем, не на серию «Иронический женский детектив», а на литературный журнал. Тут есть юридический разрыв, который нужно преодолеть. Библиотеками занимается Минкульт, а журналами Роспе-

чать. Журналы надо соединить с библиотеками. Я жду от Года литературы того, что он не успеет закончиться до тех пор, пока мы не преодолеем этот юридический разрыв». Неужели даже такой несложный и спасающий ситуацию проект будет проигнорирован? Впрочем, это будет даже неудивительно.

Литературе в наше время нужна такая же пропаганда и защита, как вымирающему виду животного из Красной книги. Хочется надеяться, конечно, что литература у нас – вид не вымирающий, а переживающий свой временный кризис, пути к решению которого мы обязательно найдём.

Прежде всего, нужны мероприятия, и не такие, как вышеописанное празднество, а литературные фестивали, встречи, как можно чаще – не раз в год, лишь бы для галочки. Если по статистике сейчас более 40% людей проводят большую часть времени за просмотром телевизора, то неплохо было популяризировать литературу, включающую дискуссии по поводу беллетристики, беседы с писателями, устраивать на федеральных каналах, а не на отдельном выделенном «телевизионном материке», который мало кто вообще сейчас включает.

На дворе уже июнь, а особых сдвигов в культурной политике, увы, не наблюдается. Смотрю в окно – в очередной, некогда книжный, магазин завозят манекены. Скоро там откроется новый бутик одежды. Но ведь если не будет литературы – не будет культуры в стране! Это общая точка зрения всех, кого беспокоит судьба Отечества. Остаётся только ждать, когда же, наконец, наступит Год Литературы, да и наступит ли он вообще...

Мария Доценко

Кино и мы

Виктория Рябова

СЛАЩЕ НЕ СТАНОВИТСЯ

С какой целью рождаются сиквелы? Чтобы продолжить историю первой части фильма? Чтобы показать персонажей под другим углом? Поднабраться опыта или раскрутить киностудию? Да! Но, чаще всего, ради денег. Особенно в наше время. Первая часть «Горько», по непонятным мне причинам, спровоцировала восторг в отечественной киноиндустрии. Сборы в кинотеатрах в 17 раз превысили бюджет. «Выйдя в прокат на более чем 1,5 тысячи киноэкранах, фильм и сейчас, спустя год, продолжает стоять в репертуаре нескольких кинотеатров страны» – цитирует создателей комедии сайт lenta.ru. Картину даже хотели отправить на Оскар вместо «Левиафана». Водка, олицетворяющая русский дух присутствует и там, и там, но «Левиафан» перевесил в шесть голосов. В остальном «Горько» сопровождал только успех. Светлаков в роли смартфона не сходит с экранов телевизоров, «Горько! Энциклопедия» стоит на полках книжных магазинов. Но время нещадно идет и деньги в карман каплют все меньше и медленнее. А это значит, что пришло время для новой комедии про русских балбесов «Горько 2».

Мы снова в мире, в котором живут персонажи фильма. Здесь

практически ничего не изменилось. Сидевший брат жениха (теперь уже мужа) снова отсидел. Камера, снимающая происходящее по-прежнему псевдо-любовительская. Но после свадьбы, как это обычно бывает, супруги живут с родителями в среднестатистической геленджикской хате. А вместе с Наташей поселились и её теперь уже безработная мать с отчимом. Борис Иванович обанкротился и по причине огромного денежного долга решает симитировать свои похороны. Запахло чем-то тухлым, не правда ли? Весь сюжет начинается вертеться вокруг гроба и живого покойника. Концепцию «смешно, потому что как в жизни» теперь заменил юмор на основе абсурда. Чего только стоит сцена, где родственники несут открытый гроб через оживленный пляж и решают искупаться. Я не знаю, как реагировали зрители в кинотеатрах, но мне захотелось выключить фильм, лечь на пол и смотреть в потолок

несколько суток. Уверяю, это было бы куда более продуктивное занятие. Но приходится смотреть дальше и тушить в себе мысли «Да к этому моменту труп начал плавиться и разносить вокруг себя дикий смрад!». Удивляет и поведение отдыхающих, они просто продолжают купаться. В этом и малейшего смешка не найдется. Где-то в середине фильма один из героев произносит фразу «Гайдай какой-то!». Что? То есть вы, создатели фильма, сравниваете свои попытки высосать из кошельков зрителей еще денег с творчеством Гайдая? Не нужно его сюда втягивать. То, что какая-то чужая свадьба украла гроб в свой автобус, а затем разбижалась от того, что «умерший» встал – не делает ваш фильм «Кавказской пленницей», а режиссера Жору Крыжовникова – Гайдаем. Есть пародия, есть подражания, а есть идиотия, от которой становится грустно за зря потраченное время.

Шутки представляют собой либо измененную известную фразу, как например «Не брат ты мне, шавка черноморская», либо быдло-юмор, либо ничего.

Паршивой игре актеров я была уже не удивлена. Возможно, это дело рук сценаристов, так как актрисы, игравшие матерей (Елена Валюшкина и Юлия Сулес) в интервью сайту mk.ru сказали: «В сценарии ярко выписаны характеры». Возможно, кого-то из актеров это оправдывает, но точно не Егора Корешкова и жену режиссера. Егор снова недоигрывает (но его хоть в фильме стало гораздо меньше), а Юлия Александра играет сверхнасыщенно. Она все также раздражает. Впрочем, как все остальные. Даже более адекватного персонажа Яна Цапника, отчима Наташи, в этой части преподнесли как самолюбивого мерзавца и предателя. Могу предположить, зачем Андрею Першину это пришло в голову. В картине со скрипом проскальзы-

вают такие послылы, как семья, любовь, прощение. Но с чем это всё перемешивается. Члены большой семьи друг-друга, мягко говоря, недолюбливают. Мать Наташи изменяет с ее отцом. Конфликт между папой и отчимом «Натали» настолько запутанный, непонятный, что кажется, его впили в фильм только чтобы растянуть хронометраж. Здесь почти все не к месту, даже не учитывая того, что поминки устроили громче и веселее свадьбы.

Об этом фильме можно рассуждать еще очень долго, но, в это время, нет никакого желания уделять ему столько внимания. Когда нас в детстве кто-то обижал, родители говорили «Не обращай внимания, он и отстанет». И люди отдали создателям значительно меньше своих кровных, чем в первом фильме. Но намек в фильме, где гопник делает предложение халке, уже кричит: «Ждите третью часть!». Нет, не буду. С меня хватит бесконечной водки в фильмах о России. Хватит бессмысленного высмеивания русского человека. Уважаемый Жора Крыжовников, Вам нужно было остановиться на короткометражах, в полный метр больше ни-ни.

Виктория Рябова

ЮБИЛЕЙ

ЗАРУБКИ НА СЕРДЦЕ

Валентин Иванович Яковлев – известный на Кубани журналист, литературный редактор, профессионал высокого класса. Он помогал многим начинающим литераторам: правил тексты, консультировал по вопросам издания книг. Именно он был первым ответственным секретарем нашей литературно-просветительской газеты «Кубанский писатель». Редакция газеты сердечно поздравляет В.И.Яковлева с 75-летием!

Кажется, что всё это было вчера... Рогатки, карманы, набитые разного калибра гильзами и патронами, какие-то цапки, которые оставила нам война. Что мы тогда ели. Это одному Богу и моим одногодкам известно.

Школа, первая учительница Ульяна Григорьевна. Она приходила на урок в больших резиновых галошах, привязанных тесемками от военного вещмешка. Учительница почему-то часто поглядывала на мои довоенные боты, доставшиеся мне от мамы.

Мамы со мной не было: Она отбывала срок в Эстонии, в Нарве. Два года назад перед портретом Сталина в его адрес сказала слово «гадюка». В Нарве однохлебкой у нее была Ольга, учительница русского языка и литературы из Ленинграда. Делились не только каждым кусочком, но и ягодкой голубики, зеленой веточкой и травинкой. Каждой бедой и радостью, потому и выжили в том аду...

Я роду в хохляцкой станице у деда с бабкой – родителей мамы. Когда она вернулась, я шархнулся от высокой худой женщины со впалыми темными глазами. Зарыдав, она бросилась ко мне, вытянув длинные худые пальцы.

– Валька, ты чога, це ж твоя мама, – сказала с укором бабка Мелания.

Она как-то произнесла: «Це було, колы Паша була в тюрьме», услышав эти слова мама заплакала и ответила ей: «Я никогда в тюрьме не была. Я была в концлагере».

К мамочке я быстро привык. Обняв ее, сразу засыпал. И не было большего счастья... Как-то я ей рассказывал: «Булы мы с дидом в Краснодаре. Я бачив там хлеб, билый, – як варэныки».

– Хохля-мохля ты моя, – гладила мои сметано-белые вихры мама. – Мы будем еще и белый хлеб есть.

А теперь о себе... Давно уже ветеран труда. Отчет стажа начат в 1958 году. За это время был и киномехаником, радистом и литсотрудником районки, затем редактором газет, главным редактором и директором издательства. Работаю до сих пор, заведу редакционно-издательским отделом в институте.

Когда-то дважды приглашали меня на работу в партийные органы... Правда туда не приглашали, а вызывали со словами: «Есть мнение перевести на новую работу».

– А если я...

– А если не нравится быть завотделом горкома КПСС, то проедешь в поселок Лесной: завклубом, там можно работать и без партбилета...

В качестве редактора дивизионной газеты «Советский воин» в чине майора побывал в «горячей точке», в Кировабаде во время армяно-азербайджанского конфликта в 1990 году.

Из горкома, где заведовал отделом пропаганды и агитации, сбежал в Ростовскую Высшую партийную школу. Там капитально изучил «Капитал» Маркса, сдал кандидатский экзамен по философии.

После этого познакомился с будущими «прорабами перестройки», ставшими затем крупными бизнесменами. Кто-то меня спросил:

– К себе не звали?

– Звали, не пошел...

– Теперь жалеешь?

– Чему жалеть: был на славянском кладбище, встретил их. Один улыбается с мраморного надгробия, другой, изваянный из гранита, держит в руках каменную книгу, кстати, отредактированную мной.

Вспоминаю нашу сорок вторую школу,

после войны разрушенную, обгоревшую, с пустыми глазницами окон, учителей-фронтовиков. С пустыми рукавами гимнастеров, ходивших на скрипучих деревянных протезах. Молодого офицера Владимира Ильича Бирюкова. Таких людей мало на земле, мы, его ученики, никогда его не забудем... Дай Бог ему долгих лет жизни.

В 1942-ом в августе защищал от врагов наш город, а в феврале 1943-го в составе 57-го Отдельного зенитного артдивизиона выгонял из Краснодара непрошенных «гостей».

Со времен Древнего Рима среди школяров существует убеждение, что самое большое наслаждение для учителя – ставить кому-то «неуд». Владимир Ильич разрушал этот постулат. Он искренно огорчался, когда складывалась такая ситуация. Он что-то разжевывал, подсказывал, стараясь не ставить двойку. Он любил нас. Оборванных, осиротевших, вечно голодных, обездоленных проклятой войной. И мы отвечали ему взаимностью. Разве это можно когда-нибудь забыть.

...Родился я на Кубани в станице Петропавловской, – 21 июня 1940-го ровно за год до начала войны. Жили у верующей старушки, Дарьи Ивановны Мартыненко. Отец работал учителем истории в школе, а мама заведовала почтой. При подходе немцев мама по приказу уничтожила узел связи.

Не успели оккупанты прийти, как словно из-под земли появились, бывшие хозяева: мельницы, маслозавода, пекарни, «Германия таперь наведёт порядок!» – радовались они.

Все столбы и заборы тут же запестрели приказами оккупантов. После обещаний обеспечить райскую жизнь, шёл перечень запретов. Заканчивались они одинаково: «За неисполнение – расстрел!»

К вечеру в гестапо полицаи притащили десять комсомольцев-заложников. В их числе была и мама. Решили активистов расстрелять публично, – другим в назидание.

Ничего лучшего моя бабка не придумала, взяла меня и прибежала к начальнику гестапо: «Батюшка, отпусти, у неё вот маленький ребенок! Невиновна она, ей приказали». Через переводчика офицер ответил: «Иди домой, бабка. Если невиновна – отпустим».

Полицай выхватил меня из рук старушки и бросил в подвал: «Пусть и змеёныш идёт туда». Накануне прошёл ливень и комсомольцы стояли в подвале по пояс в воде. «Ничаво, простудиться не успею!» – хлопотал услужливый немецкий холуй. «А завтра, – гнусавил он, – мы её на базаре повесим». Там уже румыны стучали топорами: строили место казни.

Офицер похлопал его по плечу: «Гут, гут, повесьте, карашо!».

Чтобы продемонстрировать «милосердие», приказал перевести женщину с ребенком в старую конюшню и обеспечить охрану.

Придя домой, бабка опаматовалась. Вспомнила позже, надоумил её пожилой румын. Отвела годовалого телёнка соседке-самогонщице и притащила большой баллон первача.

Через некоторое время в конюшню ввалилась толпа пьяных солдат. Меня вырвали из рук матери и бросили на кучу навоза. Вдруг послышался резкий голос офицера: «Назад, соблюдать порядок!», – и пленница с ужасом поняла: прежде чем ее расстрелять, будут глумиться. Сначала немцы, а затем вся пьяная сволочь.

Когда толпа мерзавцев ушла, она упала перед часовым на колени:

– Убей меня, убей ради Бога! И схватила его за ногу.

Часовой размахнулся и ударил её прикладом...

В себя пришла через некоторое время от плача ребенка. Огляделась. В тусклом свете фонаря заметила: часовой спит, прислонившись к коновязи.

– Сиротинушка моя, – обливала она слезами дитя, – завтра убьют меня, совсем один останешься. Недавно пришла печальная весть: во время бомбежки казак-доброволец Иван Яковлев тяжело ранен. Все решили, что до утра не доживет...

– Паша, Давай Валу! – шептала Дарья Ивановна. – Возьми вот шаль, даст Бог, и тебя вызволим.

Но надежды не было, а в Бога комсомолка не верила. Зубами порвала шаль на длинные лоскуты и сплела веревку. Забралась под крышу, стала привязывать к балке петлю. Но тут в окне показалось лицо адыга.

– Паша, ломай крышу, – тяжело прохрипел Каспот Тхаркахо.

Смертный страх, помноженный на жадную жизнь, удесятерил ее силы. Кровля из старой дранки поддалась и пленница скатилась на землю. Мощные руки подняли ее и бросили на круп лошади.

Резвые горские лошади, храпя, в диком галопе понесли к свободе. Послышались выстрелы. Одна пуля взвизгнула над головой, другая обожгла плечо. Гулко застучал пулемёт.

За оковицей осадил лошадей, поскакали тише и вскоре встретил их добрый, глухой лес. По перекату перебрались через бурную Лабу. Вдалеке послышался лай собак, вскоре из тумана выплыли низкие сакли аула.

Меня переодели в девочку. Соседка принесла сандалики, платице и куклу дочери (девочка недавно погибла при обстреле станицы). Отнесли в аул. Хозяин-адыг радостно кричал: «Паша, дочь моя, смотри, какая «пшаша даха» (красивая девочка – адыг.)

Почти полгода жили мы в Егерухае. Но до сих пор я помню и понимаю немало слов из языка этого гостеприимного, благородного и мужественного народа, подарившего мне и моей матери жизнь. Каспот Тхаркахо в тот страшный день накануне нашей казни привез на завод телегу маслосемян. Он не раздумывая выпряг лошадей и с одним кинжалом бросился спасать нас, почти неизвестных ему людей.

К сожалению, я почти ничего не помню из тех событий... В памяти остались только дни, когда мы с мамой ходили на «свою могилку». После войны в День Победы она собирала большой букет, и мы приходили в центр станицы к памятнику, где были похоронены расстрелянные комсомольцы. Мама плакала и говорила: «Здесь должна лежать я, а может быть и ты».

Какие годы оставили в моей памяти самый глубокий след? Пожалуй, восьмидесятые, – годы работы в Краснодарском книжном издательстве. По времени так совпало, что тогда еще в добром здравии были участники Великой Отечественной войны. Многие из них было не более шестидесяти лет. Фронтвиками были директор издательства и главный редактор. Да и все мы, были если не свидетелями, то современниками тех страшных лет...

При издании книг утвердилось непреложное правило: автором произведения о войне мог быть только воин-фронтвик. Выходила тогда серия книг «Ратный подвиг Новорос-

сийска». К каждому автору-летчику, моряку, артиллеристу, пехотинцу, – их было около двадцати человек, – прикрепляли писателя или работника издательства.

Фронтвики могли в деталях рассказать о том, как действовать штыком в рукопашном бою, как поджечь танк, снять часового, обмануть вражеского снайпера, отрубить у немецкого самолета пропеллером крыло, но с грамматикой у многих было довольно туго...

Приходилось ехать в Новороссийск, ходить по легендарной Малой земле, где ещё не изгладились траншеи и воронки от бомб и снарядов. С А.П.Марфиным, автором книги «Героический штурм», мы обошли почти всю Малую землю, изрытую войной и наспигованную смертоносным металлом. Устав, воин-малоземелец, присаживался на обломки дзота, закуривал сигарету и продолжал диктовать.

Многие книги, вышедшие в нашем издательстве, по воспоминаниям фронтвиков, серия «Ратный подвиг Новороссийска», «Порохом пропахшие страницы», «Разведчики ушли на задание», «Фронтвики вспоминают», «Герои кубанского неба» и другие наполнены живыми событиями тех лет. Если бы была возможность, я собрал бы все их и переиздал. Уверен, что более правдивых книг о той войне уже больше никто не напишет.

Недавно к 70-летию Победы подготовил книгу «Страницы фронтовой памяти» о воинах-зенитчиках. Автор – Владимир Ильич Бирюков. Наш учитель физики. На краевом конкурсе она получила «Гран-при». И еще одну – «Подвиг в небе Кубани» совместно с Героем Советского Союза Н.П. Жуганом.

В этот сборник вошли документальные воспоминания выдающихся советских летчиков-участников ожесточенных воздушных боев, развернувшихся в небе Кубани весной 1943 года; страницы из книг нашего земляка маршала авиации, дважды Героя Советского Союза Е. Я. Савицкого; генерал-майора авиации, Героя Советского Союза Н. П. Жугана; поэта-фронтовика К. А. Обойщикова, очерки и другие материалы кубанских журналистов о героях-летчиках.

В сражениях на кубанском плацдарме советские летчики проявили образцы героизма, мужества и отваги. Пятидесяти двум из них было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Среди них А. И. Покрышкин, братья Д. Б. и Б. Б. Глинки, В. И. Фадеев, Г. А. Речкалов, Е. Я. Савицкий, А. Л. Приказчиков, И. М. Горбунов, Н. К. Наумчик, Ф. З. Калугин, А. К. Конкошев, М. М. Осипов и многие другие, прославившие своими подвигами советскую авиацию. В их числе есть и Герои Советского Союза – выпускники Краснодарского высшего авиационного училища.

Благодаря высокому воинскому мастерству, мужеству, стойкости, массовому героизму советских летчиков фашисты потерпели в небе Кубани серьезное поражение, после которого им до конца войны не удалось восстановить былое преимущество в воздухе.

Ожесточенные бои в небе Кубани, увенчавшиеся победой нашей авиации, явились важным этапом Отечественной войны и обеспечили нанесение решающего удара в битве под Курском.

Эта книга – достойный памятник всем советским воинам – и, прежде всего, героям-летчикам, не щадившим своих сил и самой жизни во имя великой Победы.

В. Яковлев,
член Союза журналистов России

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

РОЖДЁННЫЕ В СССР

Светлана Курач,
Омск

Рядом с отелем «Гелиос», где мы проживали с сестрой на отдыхе в испанском курортном городке Ллорет-де-мар, внимание гуляющей публики по вечерам огромными светящимися буквами привлекал диско-клуб «СССР». А возле него девушки славянской внешности (и происхождения) душевно так приглашали прохожих зайти на огонёк: «Вы не были ещё в нашем клубе? А почему? Это специально для русских! Заходите, я вас проведу, выпейте сангрию, первый коктейль – в подарок! Расслабьтесь, потанцуйте, публика взрослая, в два часа будет классный стриптиз... Заходите, не пожалеете!» И мы зашли. Куда-то ведь надо пойти вечером, почему бы не в русский клуб? Может, душевно отдохнём под музыку страны Советов, вернёмся в юношеские годы?... Правда, не нравится мне вон тот патлатый испанец в флуоресцентных облегающих штанах салатного цвета, который подошёл к «нашей» девушке... Похоже, работодатель. Но фэйс-контроль уже пройден.

В клубе на нас с сестрой обрушились такие децибелы, что пришлось только угадывать слова по шевелящимся губам друг друга. Ни «Самоцветы», ни «Земляне», ни «Цветы» нас там не ждали, чтобы поиграть на чувствительных струнах русской души. Музыка тупо молотила, как боксёр по груше, по моим барабанным перепонкам и солнечному сплетению. Оглушённые и ошарашенные, мы всё же немного потоптались в танце среди толпы, надеясь уловить хоть какую-нибудь мелодию. Но музыка и атмосфера явно были рассчитаны на выведение человека из нормального состояния, введение его в транс, потерю контроля над собой и количеством выпитых коктейлей. Иногда красавица посмелее поднималась на маленькую площадку и заводила толпу... не танцем, я бы это так не назвала, – а неким ритуальным действием, которому подошло бы название «Весна в джунглях», но никак не в СССР. Значит, вот так надо с русскими, да? Оглушить, напоить, и потом они начнут доказывать себе и всем, что в СССР секс был, а если нет – то сейчас мы это поправим! Коктейль должен следовать за коктейлем, и все должны быть пьяны и счастливы! Как-то так объяснила нам девушка, когда мы вышли из клуба, не выдержав более часа. Откуда ты, заботливая? Из Белоруссии? Нашла работу по интернету, развлекайся с мужем – и сюда. К кому? К этому, в светящихся штанах? И кто ты? Промоутер? Очень похоже на «проматывать». Проматываешь ты себя, промоутер... Да шагай ты мимо, африканский красавчик, я давно и честно сдавала взносы для Анжели Дэвис, но вот тебе-то за что? Пошли, Тань, туда, где

поттише. Пошли к морю... Там на берегу есть открытое кафе, где можно слушать голос морского прибоя... и даже друг друга! Пошли к морю, родная, поговорим за жизнь в нашем с тобой СССР.

ФЛАМЕНКО

Быть в Испании и не увидеть фламенко?! ...Мы с сестрой были совершенно очарованы этим удивительным танцем, который нам показали очень энергичные и темпераментные танцовщицы в нашем отеле «Гелиос» тёплым вечером, когда долгожданная прохлада привела людей за столики открытого кафе. Огненно-красные многоярусные юбки летали, играли, колыхались, трепетали, вспыхивали и гасли, как языки пламени высокого костра, и от этого в тёплом воздухе испанской ночи витало нечто, волнующее душу и сердце, веселящее и зовущее к любви. Название этому нечто – страсть. Страсть царилла во всём – в движении танцующих дам, в ритме, отбиваемом ладонями и каблучками, в сверкающих взорах аккомпаниатора-гитариста, в музыке, в стуке кастаньет... В самой природе этой страны, – с её буйным, неистовым цветением всевозможных растений, с её раскидистыми стройными пальмами, с постоянно зовущим, влекущим, волнующимся морем, с затейливым рисунком побережья, – то обрывисто-гористым, поросшим кактусами, то плавно-покатым, покрытым зернистым золотым песком. Жаркие дни и тёплые ночи на побережье Коста Брава также густы, вкусны и ароматны, как коктейль «Сангрия» из вина местной виноградной лозы, приправленный ломтиками свежих фруктов и ностальгически-горьковатым запахом эвкалиптов в ветерке. Вина и зрелищ, моря и солнца, музыки и страсти – дайте, дайте мне скорей, пока пылает и трепещет, вспыхивает и гаснет платье на ней – хозяйке и волшебнице испанской ночи, пока стучат её кастаньеты и каблучки, пока качиваются певучие бёдра, пока кидает она свои обжигающие взоры, а они вспыхивают искрами, а затем шипят и гаснут угольками, падая то в небо, то в море, то в мужское сердце, то в бокал ароматной «Сангрии»...

СТАРЫЙ РОЯЛЬ

По вечерам в одном из отелей Ллорет де мара, с прямо-таки литературным названием «Дон Хуан», ровно в восемнадцать ноль-ноль, на выдавшем виды, но всё ещё элегантно рояле играет пианист. Его внешность очень соответствует роялю и названию отеля – это внешность славного потрёпанного, но всё ещё привлекательного героя-любовника. Однажды и мы с сестрой зашли послушать музыканта...

Он играл расхожие мелодии, что-то из «Битлов», что-то из классики, и конечно же, саундтрек к фильму «Титаник». В какой-то момент я решила подойти и заказать музыку. Изъяснялись на жестках, вставляя английские слова. Лунную сонату он без нот не помнит. А русскую музыку? Рахманинов, Чайковский? Маэстро понял, что мы русские. Заиграл одну из мелодий «Лебединого озера» и сорвал наши горячие аплодисменты. Далее последовала «Как упоительны в России вечера». Тысячу раз слышанное и поднадоевшее дома, – здесь, среди европейской обстановки и испанского колорита зазвучало пронзительно по-русски. И внутри меня зыграло нечто, что разом подняло с кресла, заставило скинуть мешавшую, плохо скользившую по полу пляжную обувь и закружило в импровизированном танце с элементами русского вальса! Назовём этот танец так: «Не смогла усидеть на месте!» Танцевала босиком, полузакрыв глаза, полностью уйдя в музыку, и в голове картины из романа Льва Толстого «Война и мир»: «Где, как, когда вобрала в себя из этого русского воздуха, которым она дышала, – ... графинечка... этот дух, откуда взяла она эти приемы...? Но дух и приемы эти были те самые... русские...» С последним аккордом я поклонилась музыканту и оглянулась. В фойе раздались аплодисменты собравшихся и стоявших полукругом людей... Финита! На сегодня всё. Обязательно приходите завтра! Благодарю, маэстро, но это мой последний вечер в Испании, на чудном побережье Коста Брава... Грасия, синьор, – грасия, синьора.

ХОЧУ В СИБИРЬ!

Мы покидаем Ллорет де мар... Честно говоря, уже пора! Даже на отдыхе устаёшь – от обилия людей (после наших сибирских просторов толкотня на узких испанских улочках невыносима), от обилия еды (я за всю жизнь, наверно, не перепробовала столько разных блюд, как в столовой четырёхзвёздочного отеля «Гелиос»), от обилия солнца (в полдень просто дуреешь от жары, растекаясь, как простейшая амёба, не в состоянии что-либо делать). Хочется простора, прохлады и отварной картошечки с селёдкой, ей-богу.

Утром, пока не так жарко, прогулялась на прощание к «Морячке». Это символ морского городка, – статуя девушки, смотрящей из-под руки вдаль. Конечно же, она выглядывает на горизонте со скалы корабль своего суженого... От этой скалы расходятся прогулочные дорожки вдоль побережья – по камням, по береговым склонам, меж скал, вдоль высоких обрывов, откуда открываются великолепные виды на море. Вдоволь фотографировалась, благо постоянно встречались на пути русскоговорящие туристы. Конечно же, вспоминала свой родной Сахалин и его фантастической красоты берег – далёкий и вечно желанный. Только там растут травы по пояс, лопухи как зонты и шиповник с ягодами величиной с ранетку, а тут – плоские кактусы (опунции), жирные алоэ, высоченные пальмы и бескорые эвкалипты, цветут пышные олеандры, душистые гардении и проч., и проч. – узнаю всех заморских гостей наших цветочных магазинов... Вот посажу берёзку в кадке – пусть себе растёт! Хотя, зачем? Я к ней лучше в поле приду обниматься, где она красива и сильна на волюшке!

Вечером пошли в «Дон Хуан» на танцы, которым тут же, на ходу, обучал ведущий. Публика сидела за столиками у бассейна, под открытым небом. Подгулявший испанский сеньор угощал нас шампанским, показывал жестами, какие у меня прекрасные глаза, приглашал танцевать. Потом начались вопросы: «Вы замужем? У вас есть дети?» Сеньор схватился за голову и расхохотался, когда мы с сестрой объяснили, что имеем на двоих – семерых детей. Я ему показала выразительно на жестках – мол, беги!!! И разведённый, бездетный, свободно прожигающий время, веселящийся на курортах бездельник действительно вскоре ретировался. Вокруг раздавался, кажется, никогда не смолкающий бесконечный шум пёстрого людского моря, беззаботной музыки и веселья...

Как я хочу в Сибирь!

ПРОЗА

ПАРОВОЗОЧКА-ПАРОВОЗОВНА
(Рассказ)

Было начало марта, будний день, обеденное время, и было холодно. Я ехал к другу, который живёт и фермерствует рядом с ростовским «каблук». «Каблук» этот вдавился в территорию края на севере по самую речку Ея. А в подкаблукье, за Орлово-Кубанской железнодорожной станцией, последней на Кубани, есть кусок засушливых земель, куда «засунули» ушлые землеустроители друга, когда наделяли фермеров землёй по принципу: «На тебе, Боже, что нам не гоже». А по дороге в подкаблукье есть несколько полузабытых хуторов, где посреди дороги, как хозяйева территории, спокойно расхаживают фазаны-петухи, дразня тусклым ярким оперением. Туда я и ехал.

На одном из перекрёстков за станцией Староминской меня остановила опрятная пожилая женщина, перед которой стоял на земле небольшой сундучок. Остановила свистом, засунув два пальца в рот.

– Хорошо свистите, уважаемая, – сказал я в открытое окно «Лады», – Куда подбросить?

– Тут километров через двадцать хутор, я покажу, – ответила она, садясь на переднее сиденье и устривая под ноги сундучок.

– В сундучке сокровища бабуси? Она кинула на меня недовольный взгляд:

– Где Вы бабусю увидели?
– А сколько ж Вам? Семьдесят восемь или семьдесят семь? – попытался пошутить я.

– У женщин не спрашивают. Да и Вам по поводу возраста, по-моему, лучше помалкивать. Сами – то...

– А я и не скрываю! Шестьдесят четыре на носу.

– Па-цан! – выдала она с протягом.

– Согласен, а Вам, значит, семьдесят восемь со свистком, как паровозу?

– Паровозике! – она окинула меня любопытным взглядом сороки, которую что-то заинтересовало, – И откуда Вы это знаете? Я Вас первый раз вижу.

– Что знаю?

– Что я на паровозе работала и звали меня Паровозика.

– Фу ты нуты, рельсы гнуты, я Вас тоже первый раз вижу! Но Вы ж сами сказали – Паровозика.

– Я?

– Вы!

– Во брехун дядько! А ещё спрашивает, сколько лет. Ягодка зимняя, клюква не кислая, сахарком посыпать – облизнуться можешь – вот сколько лет!

– Тох – тибидох, хоть в мешок да в лесок такую бабусю! – засмеялся я, – А что в сундучке-то везёте?

– Гармонь, – выдала она.

Тут уже я выкатил глаза и сбросил газ.

– И Вы того..., на клавиши, на пуговки?

– А то! Гармонистка я!

Теперь я свистнул.

– И куда с такой прелестью?

– К подруге на День рождения.

– Сами?

– Можно с Вами. Там и узнаете,

сколько «клюковке» лет...

– Ну, тогда споём?

«Эх, гармонь, моя гармонь, Золотые планки!

Дед бабусю вёл домой Пьяную с гулянки!» – на ходу придумал я и пропел, – Было такое?

– А то! А откель частуха?

– Не знаю, в голове оказалась. А дед-то Ваш живой?

Она поджимает чуть подкрашенные губы и молчит. Справа и слева от дороги тянутся озимые поля с зеленоющей пшеницей, вдали завиднелась полоса камышей речки Ея. Я тоже примолк – дорога пошла в ухабах, смотрю в оба.

– Не было никогда у меня деда, – вздыхает, нарушая молчание гармонистка, – Ваня пришёл с войны раненый, но работал. Научил меня, кочегаршу, паровозному делу и в пятидесятком помер. А меня, свистушку, поставили на его место. Мужиков-то не было.

И она грудным с хрипотцой голосом пропела:

«Эх, жизнь, моя жизнь, Топка паровозная,

Полюбила машиниста Девонька колхозная!»

И стёрла ладонью со щеки слезу.

– А то! Одна вековать и осталась...

– Н-да..., и что, всю жизнь на паровозе машинистом?

– А то! Всю, до пенсии одно место работы! – горделиво говорит она, – Сначала меня звали Зиначка-Паровозочка, а потом стала Зинка-Паровозиха. Теперь, кто знает, кличут Паровозовна. Так что вся моя жизнь – паровозная. Медалью «За Трудовую Доблесть», правда, за неженский труд отметили.

– И где это было, Зиночка, не на Кубани ж? – решаю я «подсластить» женщине девичьим именем.

– Она «кидает» на меня левым глазом «косячок» и напевно прозносит:

– Не-е, на Амуре, там «чухпыхала» из леспромхоза до узловой. Там и эту гармонь купила, на свадьбах играла. У меня их две: одна выездная, другая домашняя. Дома я даю такого «соловья»! Чтoб соседней не дразнить, поставила пластиковые окна.

– А здесь как оказались?

– Подруга сманила. Она казачка и тоже одинокая.

– А подруга у Вас, небось, кочегаршей была?

– И откуда Вы всё знаете? Что за водитель мне попался, – улыбается она, – Частухи поёт... Не иначе где-то встречались. Кто Вы?

– Сам не знаю, кто. Работал у гармониста вторым номером.

– Это как?

– Гармонь растягивал.

Зиночка хохочет.

– Тогда давайте завернём к подруге. Завидки устроим, скажу: «Нашла себе молодого». У неё будет девичник, соберёмся все, кто любит жить, а не стареть. Будем петь, пля-

сать, «зажигать», что ещё горит...!

Смеюсь:

– Не могу, Паровозовна. Рад бы почудить, но ждуть, понимаешь.

– Не везёт Паровозике. Тогда споём?

– Споём.

Мы проскочили узенькую Ею, спугнув клюющего что-то на обочине фазана, завернули за хутор, и на повороте, где справа поодаль тоскует развалюха-клуб, остановились. Зиночка раскрыла сундучок, растянула меха, и лицо её в давних морщинах просияло, помолодело. И голос зазвенел. Хрипотца куда-то делась – спряталась, видать, за золотые планки тальянки:

– Эх! – присвистнула она, – Невезуха, невезуха,

Ты – коварная старуха,

Я тебя перехитрю,

Молодого полюблю!

И притоп в суконных старушечьих сапожках.

– Ну, как Вам?

Я показал два больших пальца: «Во!».

– Подпевайте:

Ой, гори печаль огнём,

Повстречала «парня»:

Старый, с босой головой,

А для меня гарный!

Я подпел. Так это ж про мой лысодром! Ну, Паровозовна!

Хочоchem на пару. Обнимаемся на прощанье, как русские люди, и Зиночка идёт по тропе меж сухого прошлогоднего бурьяна в хутор, бережно неся сундучок, где спрятано сокровище её души.

Степан Деревянко,
станция Стародеревянковская.

ДЕБЮТ

Андрей Айсуваков

Краснодар

ВСЁ БЫЛО ТИХО, И...

рассказ

С Костей Ланским случилась большая беда.

В субботу, соблазненный друзьями из комитета по делам молодежи, он впервые, тайком от жены, отправился на футбол. Далее он помнил гудящие массы на трибунах, радостно-агрессивные вопли, кислый привкус джина, какие-то флаги, какие-то искристые вспышки, стены незнакомой комнаты и, наконец, вязкие, как тёплый пластилин, чужие женские бедра. Потом наступила бурая, свекольная мгла.

Очнулся Костя дома, на диване, в одной рубашке, и сразу увидел перед собой распыленные от нехватки глаза жены.

Костина жена была беременна. Она сидела на маленьком детском стульчике и у ног её, точно половая тряпка, валялся Костин светлый пиджак, запятнанный вином и чужой губной помадой.

Улыбаясь от ужаса, Костя принялся врать. Мол, ничего такого не было. Они с друзьями всего лишь посидели в кафе. Потом пошли на автобус. Сергею, этому идиоту, вдруг приспичило. Прямо перед мусорной урной, возле магазина, у всех на виду. Здесь их и схватили полицейские. Он промучился всю ночь в «обезьяннике», среди дрянных людей, испачкался и пропах. И только утром, показав документы какому-то начальнику, был отпущен на свободу.

Вслушав эту чепуху, жена молча развернулась и, осторожно неся ненависть, точно кастрюлю с кипятком, скрылась в кухне. Она села за стол, на своё обычное место, и продолжала сидеть прямо и неподвижно. Вечером, когда стемнело, свет на кухне не зажгётся.

Костя страдал на диване, боясь пошевелиться, и в его голове маятник качалась одна-единственная мысль: «Всё было тихо, и, однако, во тьме я слышал крик, и так...». Дальше вспомнить он не мог, и это мучило, как ускользающий сон.

Пять лет назад Костя с блеском окончил университет по кафедре филологии; его дипломная работа называлась «Музыкальные мотивы в творчестве Б.Пастернака». Теперь, устроенный в администрацию города отцом жены, он сидел в информационно-аналитическом отделе на вычитке местной прессы.

Посреди ночи, прикрыв дверь, жена долго разговаривала с кем-то по телефону (Костя догадывался, с кем).

Утром он нашёл на пустом кухонном столе записку: «Я в детской (они уже обставили детскую). Не вздумай заглядывать. Одевайся и уходи на работу. Вещи соберу позже. Папа поможет с разводом. Прощай».

Прочтя записку, Костя размазал рубашку по груди и театрально, но совершенно искренне застонал. Египетская кошка, лакавшая молоко из тарелки, враждебно оглянулась на него.

Зелёный кошачий взгляд внезапно пробудил нужное воспоми-

вание. Костя схватил телефонную трубку, отстучал по кнопкам номер и простонал:

– Леша, помоги.

– А-а-а, – тонко и ехидно закричала трубка. – Ты, всё-таки, ещё живой? Ну, я рад. Что там у тебя стряслось?

С Лёшей, курсантом школы милиции, они когда-то снимали одну квартиру на двоих. Лёша прикалывался над ним, называл «учёным» и, выпив водки, требовал читать лирические стихи. И Костя читал стихи, грыз жёлтую воблу и воображал себя Есениным в Москве начала 20-х годов.

Сейчас, по слухам, Лёша работал начальником отдела общественной безопасности УВД Западного округа.

Клацая зубами, будто пытаясь кусить телефон, Костя принялся обильно жаловаться на свою беду.

– Она меня не простит, не простит, – в отчаянье стонал он. – Это конец, конец.

– А где же парабеллум? – весело спросил Лёша.

– Что?

– Ничего. Анекдот вспомнил. Ладно, учёный, не делай в муку, не поднимай пыли. Решу я твой вопрос. А потом посидим, бухнём. Согласен?

– Согласен.

– Ну, тогда сиди и жди.

Костя оглядел свои продолговатые голые бедра и поплёрлся одеваться, сидеть и ждать.

Спустя долгих полчаса тишины, звонок в прихожей пронзительно запиликал «Турецкий марш» Моцарта. Звуки эти показались Косте невыносимыми, он оскалился, вскочил и побежал открывать дверь.

На пороге стоял парень в мятой полицейской форме, держа перед собой, как хорист ноты, раскрытую чёрную папку.

– Гражданин Ланской? – с неприятным натягом в голосе произнёс он и вдруг подмигнул. – Это вы?

– Да.

– Что «да», что «да»? Вы почему не явились на разбор своего дела? Я после смены, спать хочу, а вынужден вас конвоировать.

– Говорите громче, – прошептал Костя.

– Что, заперлась? – снова подмигнул парень.

Костя боязливо оглянулся через плечо.

Жена, одетая для улицы, стояла в прихожей и глядела всё теми же распыленными глазами.

– Что здесь происходит? – тихо спросила она, двигая круглым, как у её отца, подбородком.

– Вы жена, наверное? – осведомился парень.

– А вы кто?

– Я участковый. Вашего мужа забираю.

– Куда?

– В УВД Западного округа.

– И что же он натворил?

– Он, гражданка...

– Подождите, молчите, не говорите ничего. Разберёмся на

месте. Я поеду с вами. Точнее, вы поедете со мной. У меня машина.

– Хорошо, поедемте, – зевая в ладонь, чтобы скрыть улыбку, сказал парень.

Плосконогая, с небольшими треугольными грудями, овальным животом и острым вздёрнутым задом, Костина жена походила на озлобленного кенгуру.

В машине Косте досталось место на заднем сиденье, рядом с детским креслицем.

По дороге он вспоминал, как однажды Лёша подарил ему огромную, как чемодан, «Энциклопедию зарубежного искусства», реквизированную во время какого-то быска.

Тем временем, у Лёши всё было готово к розыгрышу. Откинувшись, он сидел в чёрном крутящемся кресле, занятом у ребят из ОБЭПа. На столе перед ним лежали пустая кобура, дубинка, наручники и бумажная папка с надписью «Дело». Возле железной двери стоял здоровенный, точно вторая дверь, младший сержант Пилипенко. Рукава его рубашки были закатаны, из-под расстёгнутого ворота выпала серая пена волос.

– Пилипенко, прекрати улыбаться, – сам ухмыляясь, строго сказал Лёша и крутнул кресло в сторону окна. – Ещё раз улыбнёшься – пеняй на себя.

– Да ну, товарищ капитан, – прогудел Пилипенко, накрывая кулак левой руки ладонью правой.

– А, вот и они. Шикарная машинка.

Округлая, лакированная, красная машина Костиной жены действительно выглядела, как дизайнерская туфелька из бутика.

Лёша катнулся к столу, поправил дубинку и сделал грозное лицо, нахмутив брови и поджав губы к носу.

– Гы, – прогудел Пилипенко.

Слегка покачиваясь, в кабинет вошёл мятый участковый.

– Привёз, товарищ капитан, – доложил он.

– Ну, зови.

Первой в кабинете появилась Костина жена. Небольшой, креп-

Жена, не замечая, продолжала нахваливать его, точно чистоплотного воспитанного пса, приятного в совместном проживании.

– Ага, ага, – насмешливо поддакивал Лёша.

– Убирает в квартире, стирает, бегаёт по утрам...

– В библиотеки ходит, стихи читает, – ехидно вставил Лёша.

– В библиотеки?

Жена подозрительно-вопросительно глянула на Костю.

– Надеюсь, на это у него нет времени. Он служит, знаете ли. На очень важном месте.

– Вот как, и где же?

– В информационном отделе муниципалитета. Составляет для руководства города обзоры местной прессы. Работает допоздна, зачастую по ночам и по выходным. Какие уж тут библиотеки.

Лёша всмотрелся в багровое Костино лицо и посережёзлел, как будто вспомнил о каком-то важном, упущенном деле.

– Это правда? – грубо спросил он.

– А тебе что за печаль? – взвизнул Костя поскользнувшимся голосом. Но тут же выдохся, опал и уменьшился, будто полуприсев в коленях.

– Успокойтесь, гражданин. Мне, действительно, нет никакой печали.

Медленно выдвинув ящик стола, Лёша смахнул в него, точно крошки, кобуру, наручники и дубинку.

– Ну, вот что, гражданка. Забирайте его. Нам он не нужен. Но помните: ещё раз нарушит закон, получит на всю катушку. Так что, следите внимательно.

– Спасибо, я буду следить. Мы можем идти?

– Пожалуй, идите, никто вас не держит.

Костина жена кивнула подбородком и, обняв Костю за талию, словно взяв под мышку, повела в коридор.

Лёша крутнулся к окну, посмотрел на лакированную машину-туфельку и раздумчиво произнёс:

– Да, вот как в жизни бывает. А жаль, испортили вечер, – и, обернувшись, уже весело прикрикнул:

– Пилипенко, ты ещё здесь? Иди, работай!

На улице, поставив Костю возле машины, жена вынула из сумочки телефон и набрала чей-то номер.

– Папа, у нас всё хорошо, – сказала она. – Нет, ничего не надо. Мне сейчас неудобно разговаривать. Я перезвоню.

Затем она обняла Костю, прижалась, притянула к себе и прошептала:

– Ты понял, ты понял?

– Я понял, – покорно сказал Костя, глядя на мятого участкового, устало курящего под навесом крыльца. В голове его, затухая, всё медленнее и медленнее качалась ночная мысль:

«Всё было тихо, и, однако, во тьме я слышал крик, и так...».

Костя вдруг остро свистнул ноздрей и побагровел до густого пота.

ПОЭЗИЯ

Виталий Серков

***

Горький жребий выпал в смене дней:
До озноба сомневаться в праве
Говорить от имени теней
Под луной в серебряной оправе.

Слушать бредни сереньких вождей,
Возлюбивших злато лютых наций
И живущих в мареве идей
И в плену чужих галлюцинаций.

Но нельзя не верить, не любить,
Не внимать таинственному пенью.
А поэтом быть или не быть? –
Одному известно провиденью...

***

На посошок налейте мне вина,
И я Вас больше не побеспокою.
Мне сквозь бокал вселенная видна
И то, что открывается изгою.

Из города скорее убежать
Замыслил я к нетронутым сугробам,
Но не затем, чтоб зайцев обижать
Иль до погоста следовать за гробом.

Предназначение видится в ином –
Ходить-бродить в обнимку с тишиной
И опьяняться вовсе не вином,
А памятью и ветром за спиной.

***

В Светлом Храме я под образами
В полном одиночестве стою.
Женщина с печальными глазами
Вновь не поняла печаль мою.

Сердится и морщит лоб Угодник,
Смотрит с осуждением сверху вниз,
Зная, что отпетый греховодник
Вряд ли заберётся на карниз.

Медленно курится синий ладан,
Страшно угодить не в рай, а в ад.
Если я тобою не разгадан,
Значит, перед Богом виноват...

***

Зачем я разомкнул
Застывшие уста,
Когда Вам намекнул,
Что Вы уже не та,
И я уже не тот,
И жизни ход иной,
И всё сильнее гнетёт
Груз мысли неземной,
Что время утекло,
Как тень через забор,
А месяц сквозь стекло
Заносит свой топор?

Вы молвили: «Заря
Восходит над горой.
Ты жалуешься зря,
Мой сказочный герой.
Над нами встал туман
И поднялся с низин.
Как сладок был обман
Ночами долгих зим...»

***

И молодость давно отликовала,
И скрыл туман забытые мечты,
Но глянешь из окошка: подковала
Луна Стрельца – и радуешься ты.

И, вроде, всё уж намертво забыто.
«Да всё ли было?» – думается вскользь.
Одно крыло любовью перебито,
Другим крылом взмахнуть не довелось.

Печали нет. Растерянность едва ли
Врасплох застанет на исходе дня.
И в тишине покажется: позвали...
Подумаю: «Наверно, не меня...»

***

А. Каберову

Устану от мыслей, прощать разучусь,
А душу заездят обиды –
Просёлками памяти в юность умчусь,
Где грёзы ещё не разбиты;

Где печь да полати, а рядом – безмен,
Весов незатейливый предок,
И дни не отравлены ядом измен,
И смех беззаботный не редок;

Где в старом овине стоят жернова,
А в горнице – прялка с куделью,
И мысль о бессмертии так же «нова»,
Как детская тяга к безделью;

Где выгон истоптан стадами коров,
Где светлые мысли теснятся,
Где кажется тесным родительский кров,
Но рифмы ночами не снятся.

Пусть вечно там росы звенят поутру,
Земле помогая вращаться,
И я от обид и тоски не умру –
Мне будет куда возвращаться.

***

Поверьте мне, я чист душою.
Н. Рубцов

Я такое сказать о себе и в бреду
не смогу...
Отогревшись душой под багряными
зорями, каюсь
И за мелкую месть, и за долгую смуту
в мозгу,
И неправедным быть до последней
черты зарекаюсь.

Ах, как хочется мне отбелить бытия
черновик,
Да не зря говорят, что из песни
не выкинешь слова!
И несдержан я был оттого, что юлить
не привык,
И глаза отводить не пытался от взгляда
косого.

Хоть обиды простил я давно и друзьям,
и врагам,
И грядущие дни пустотою уже не пугают,
Но былые грехи, словно гири, прилипли
к ногам
И в небесную рать записаться меня
не пускают.

То ли лодку Харон до сих пор не успел
осмолить,
То ли, хуже того, и его обуяла усталость...
Значит, можно грехи, суету одолев,
отмолить,
И не важно уже: сколько дней мне на это
осталось...

***

Пусть вы о нас не слышали пока –
Нет нашей диспозиции на карте.
Мы – воины засадного полка,
Не мыслящие службы в арьергарде.

Наш полк, как никогда, необходим.
Мы вступим в бой однажды поневоле,
Но политое русской кровью поле
Врагам за серебро не отдадим.

Самарский, вологодский ли, тверской –
Не падки на чины и эполеты,
Но Дух, что нам оставил князь Донской,
В душе храним, поскольку мы – поэты.

Мы знаем цель засадного полка.
Мы – скрытая опора авангарда.
Враги о нас не ведают пока,
А значит – и не бита наша карта.

Вячеслав Динека

СОЛДАТСКИЙ ТУРНИР

Сидишь в окопе, боя ждешь,
Сухарь жуешь без вкуса,
И, чтоб забыться, трёп ведёшь
С напарником безусым:
«Графиня в письмах вести шлёт:
Виконт, мол, водки много пьёт –
Бездельник и повеса...
А вы, маркиз, такой сачок! –
Не свеж у вас воротничок!
Что скажет баронесса?»

Нас только двое на земле,
Я и напарник, Петя.
Клубится дым, и в этой мгле
Нас только два на свете.
От обгорелых дальних хат
Они пойдут в атаку;
В окоп залезет наш комбат,
Настроенный на драку,
И скажет, флягу пригубя,
Свое крутое слово:
Четыре танка – на тебя,
А два – на молодого.

«Вот так, сеньоры...
Всё! Молчу...»
Похлопал Петю по плечу,
Пристроил «козью ножку».
«Не дрейфь, маркиз, все славно...
Сэр!
Патрон дошлите в ПТР
И помолчим немножко»...

Земля пустынна...
Только дым
Ползет по всей планете.
Дано на свете нам двоим
Остаться: мне и Пете...

Пройдя тяжёлые бои,
«Без титулов, в солдатах»,
Ты знаешь: все они твои,
Твои все шесть, проклятых!
«Маркиз, поздравьте – вон пылят!
С визитом мистер-немец.
Что ж, как в деревне говорят:
«Ars longa vita brevis!»

В другие, мирные года,
О нас не пойте, господа,
Трагических куплетов...

«Маркиз! Начнемте, так их мать,
По этим «лыцарям» стрелять
Из наших арбалетов...»

ИДЁТ ПЕХОТА

*Герою Советского Союза
Николаю Ивановичу Куликову*

Мы выпьем чарку, когда тревоги
Уйдут в былое и будет
Мир!
Сейчас иные у нас дороги –
Веди в атаку нас, командир.

У нас не подвиг, у нас работа.
Сам дьявол в страхе захлопнет рот,
Когда под пули идёт пехота,
Идёт пехота!
Пехота прёт!
Когда трава от разрывов вянет,
И воздух плотен от пуль врагов,
Веди нас, доблестный сын Кубани,
Наш брат, наш батя,
Наш Куликов!

О снисхожденье к себе не молим,
Мы никогда не нуждались в нём.
Вот сядет солнце за город Зволинь,
Взлетит ракета – и мы пойдём.
Не время бедам вести подсчёты.
«Вперёд!» – вот наш каждодневный тост.
И прямо грудью на пулемёты,
Открытой грудью и в полный рост.
Когда же мир засияет снова,
Умерит злобу свинцовый град –
Мы выпьем чарку за Куликова!
Ты жив.
Ты с нами.
Вставай, комбат.

СЕВАСТОПОЛЬ

Мы пойдём любоваться
Спокойным могучим прибоем,
Заглядымся на бухту,
На город – красивый такой!
Видишь, мальчик, идут старики
По-военному, строем?
Помаша им, как можно приветливой,
Юной рукой.
Дай мне ручку, малыш –
Мы с тобою взойдём на акрополь.
Посмотри, как прекрасен
прибрежный ландшафт
с вышины...

Это здесь умирал,
И в бессмертье входил Севастополь,
Превращаясь в легенду
Последней войны.
Посмотри, это здесь,
Торопливо туша папиросы,
И матросские ленты
Навеки зубами зажав,
Молчаливой стеной
Поднимались в атаку матросы,
И ложились под пулями
В стебли взъерошенных трав.
И они умирали...

Как гордо они умирали! –
Здесь, где вольно гуляла
тугая свинцовая плеть,
На кургане,
У бухты,
На кровью облитом причале...
Мы с тобой не сумеем
Бестрепетно так умереть.
Милый мальчик, склони
перед ними колени,
Перед теми, кто пал,
И кто выжил,
Пройдя до остатка войну.
Посмотри:

Это их непокорные, гордые тени,
Страх внушая врагам,
До сих пор прикрывают страну.
Преклонись до земли
Перед старостью этой усталой,
Их последние годы так горько,
так быстро летят...

Поклонись, мой малыш!
Их уже остаётся так мало –
Презирующих смерть
И её победивших, солдат.
Над прибоем морским,
На кургане, у башни разбитой
Соберутся они – старики,
не таящие слёз –
И подолгу безмолвно стоят
с головой непокрытой,
И серебряный ветер
Блестит в паутинках волос.

В РАСКАЛЕННОЙ БРОНЕ

*Герою Советского Союза
Николаю Васильевичу Кутенко*

Дымное небо, земля – на дыбы!
Танки идут.
Этот грозный клин,
Словно возмездие, неотвратим,
Неукротим, как рука судьбы.
Сотнями взрывов ревет беда,
Тонут бесследно в тротиловой мгле
Эти славянские города
На опалённой польской земле.
Нам довелось умирать за них.
До белизны раскаляя броню,
Танки идут навстречу огню,
Танки горят в переулках глухих.
Грудец, Жерардув...
Знал ли, когда
Жил в Адыгее, учился в Орле,
Эти славянские города
На опалённой польской земле?

Память меня в край иной влечёт,
В неповторимый город Майкоп –
Падает с неба солнечный сноп,
Мёдом по склонам солнца течёт.
Там, в разноцветии нового дня,
Люди, не знающие войны,
Юные люди юной страны,
Верю я, будут помнить меня.
Мы ради них и ходили в лоб
По склонам плюющих огнём высот...
Падает с неба солнечный сноп,
Капает с неба солнечный мёд.

КНИЖНЫЙ МИР

«Окрылённые словом»

Кубанская земля богата талантами. Но поэтический дар стоит в особом ряду. В истинной поэзии душа общается с Богом. Что отличает человека, обладающего этим бесценным даром, от его современников? Он видит мир, по-особому, видит то, чего не замечают другие. Он мыслит образами, он рисует словом.

Порой, в силу жизненных обстоятельств, человек не имеет возможности раскрыть свой талант во время и во всей полноте: нет литературной среды для профессионального роста, работа и быт не оставляют времени для любимого занятия. Да мало ли причин? Но семья этого таланта, до поры, скрывается под спудом реалий, далеких от высокого искусства. И вдруг – будто травинка сквозь асфальт, пробивается наружу, и неудержимо тянется ввысь. Будет ли этот поэтический росток жив, зависит не только от внешних условий, но от воли, внутреннего духовного мира его обладателя, от трепетного отношения к преемственности в литературе и вечного стремления к совершенствованию.

Сборник уникален тем, что каждый автор, представленный в нем, прожил трудную и прекрасную жизнь, прежде чем заявить о себе как о поэте. Краснодарское литературное объединение «Верность» г. Краснодара существует десятилетие. Врачи, педагоги, милиционеры, художники, рабочие и служащие – люди разных профессий обрели в литобъединении себя. Несмотря на возраст, они проходят литературную учебу – иногда слышат нелицеприятную критику, иногда окрыляются успехами но главное – они растут творчески! Каждый имеет свой неповторимый почерк. Потенциал их огромен. Им есть, что сказать своему читателю. В этом сборнике – стихи, озаренные любовью их чутких неутомимых сердец.

Любовь Мирошникова,
поэт, член Союза писателей России.

Наталья Бедная**РУСЬ**

Васильками, цветущими в поле,
Воспеваю любимую Русь.
На святой её лик я молюсь,
И крепчает невзгодами воля.
Беспощадны к Руси времена,
Тем уверенней статная поступь –
Слезы горечи прячет она
В васильковую синюю россыпь.

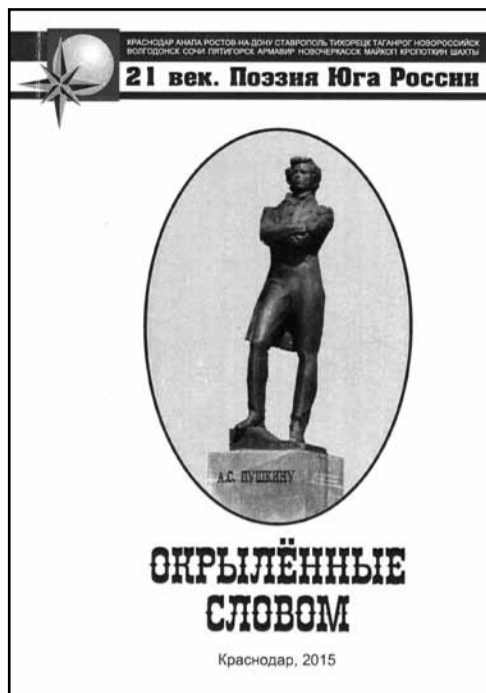
Ирина Вединова**ХРАМ**

Храм Божий – он, как человек,
Ликует и страдает с нами...
Свой крест несёт из века в век,
И в небо смотрит куполами.

Тускнеет свет моей души –
Путь грешника к прощенью сложен.

К живому слову мы спешим
За исцелением в Храм Божий.

Храм Божий – в нём вся Русь моя
Стоит с молитвою святою.
Звучит прощенья ектеня:
Дай, Бог, нам справиться с бедою.

Любовь Галицкая
(Пастухова)

* * *

Что сказать вам, заблудшие братья,
Что вот-вот и петух прокричит?
Что прозреньё уж близко –
Проклятье
На тризубе от века лежит.

Что срамиться пред миром войною –
Брат на брата и сын на отца –
Не пристало. Тяжёлой виною
Льётся каждая капля свинца.

Дурно скроено время. Эпоха
Шьётся наживо, наспех, бедой.
Друг без друга нам губительно, плохо.
Приглядитесь: в прицеле – там свой.

Виктор Деревянко

* * *

Пустеет храм моей души...
Как ладан, тает жизни квота,
И лишь погаснуть не спешит
Лампада сердца у икота.

Всё, что имею, не таю,
Спускаясь к нищим на скамейке.
Я обделённым отдаю
Любви последние копейки...

В их скорбных лицах
Вижу вновь,
Как тщатся, рук не покладая,
Надежда, Вера и Любовь,
Россию к жизни воскрешая.

Людмила Калаушина**ТАК ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ**

Снова ложь... Как же хочется верить!
Разве можно без веры прожить?!
Только верой любовь можно мерить,
Только веря и можно любить.

Если веры совсем не осталось,
Разум хочет всё перечеркнуть.
Я цепляюсь за самую малость,
Продолжая к доверию путь.

И держась за осколки надежды,
Ободравшие кожу мне в кровь,
Я карабкаюсь вверх, где, как прежде,
Словно солнце, мне светит любовь.

Александра Королева

* * *

На холме, в стороне от дороги,
На спасенье надежду даря,
Чуть видны, величавы и строги,
Очертания монастыря.
Тучи низко плывут в неизвестность,
На траву опуская росу.
С наступлением ночи окрестность
Будто держит покой на весу.
Небо – бликами в тучах дырявых,
В поле тень никуда не плывёт.
То ли ветер плетёт звуки в травах,
То ли эхо куда-то зовёт...
И, казалось, что можно потрогать
Рядом звук осторожной рукой,
Завораживающий и строгий,
Наполняющий ночи покой.
Мой попутчик-старик мне поведал,
Что уж многие лета подряд,
В чистом поле монахи под небом
В жар и холод смиренно стоят.
Днём и ночью, сменяя друг друга,
Не щадя своего живота,
Не приказом, а подвигом духа
За Россию молитвы творят.
Воздух звуками будто бы дышит,
Превращая их в дивный хорал.
Не бывает, чтоб Бог не услышал,
И, простив, по трудам не воздал!

Владимир Киселёв**МОМЕНТ ИСТИНЫ**

Голубее небо казалось,
Зеленее была листва
Что поделать, приходит старость.
Очевидно, природа права.

И у самой прекрасной сказки
Обязательно есть финал:
Глуше звуки, туснее краски,
И не тот уж страстей накал...

Все нормально, прожито много,
И теперь, почти на краю,
Я хочу попросить у Бога,
Чтоб исполнил он просьбу мою.

Пусть всегда со мной будет рядом
Та, которой желанней нет,
Чтоб касаться рукой или взглядом,
А вернувшись, сказать: «Привет».

Та, что мне судьбою завещана,
Чтобы вместе, вдвоём, навсегда,
Из всех женщин – самая Женщина,
Без которой – никак, никуда.

Не кончается жизнь на свете.
И уйдя из мирской кутерьмы,
Мы останемся в наших детях,
В наших внуках продолжимся мы!

Фаина Кузнецова**СВЕЖИЙ ВЕТЕР**

Свежий ветер – пестрота рубашек,
Майки, шорты просятся в полёт,
У подножия многоэтажек
Молодая рожица встаёт.

Мы уже забыли, как когда-то
Двор свой украшали, стар и млад.

А сегодня школьники – ребята
Разбивают будущий нам сад.

В их глазах весёлые смешинки,
Сажены – подростки им под стать.
Чтобы дотянуться до верхинки,
Надо чуть на цыпочки привстать.

Подрастут и клёны, и берёзки...
В жаркий день – спасительная тень!
На плечах вчерашние подростки
Вынесут на свет грядущий день.

Любовь Лукьяненко**ВЫБОР ЗА НАМИ**

Живые звуки в каждой ноте,
И музыка стиха звучит:
Порхает птицею в полёте,
Или встревожено кричит...
И кроет тьмой непроходимой.
Мороз в душе, в миру – война,
Бушующая в нас незримо,
Наружу рвётся вновь она
И, разгораясь все сильнее,
Кометой прожигает твердь...
С любовью в сердце мир светлее,
Бессильна перед нею смерть!

Светлана Медведева**ДЕТИ ВОЙНЫ**

Жизнь – не водой сквозь пальцы рук,
Текла сквозь души грозно.
Мы одолели сто наук,
Избрали путь серьёзный.
Мы – дети праведной войны.
В судьбе – всегда солдаты.
Имеем, что хранить должны,
Чужого нам не надо!
Ещё мы верим в чудеса,
Словам простым, сердечным.
Над нами наши небеса.
И с ними мы – навечно...

Надежда Никулина**У ВЕЧНОГО ОГНЯ**

В ритме прощального марша –
Скорби пронзающей боль,
Стук метронома и чаша –
Памяти Вечный огонь.

Помним глаза возмужавших
За ночь соседских ребят,
Связку с гранатами сжавших:
«К бою! Ни шагу назад!»

Подняты вверх эскадрильи
Смело, почти наугад...
Девочки – «Ведьмы ночные»
С неба крушили врага.

Море, бои и блокада,
Мины до самого дна,
Тысячи жертв Ленинграда
Злобно сгребала война...

Матери, сестры, солдатки...
Дети прошедшей войны
Слушают звуки «Славянки»,
Рвущие звень тишины.

Чудятся отблески взрывов
В меди начищенных труб:
«Живы Вы, живы Вы, живы...
Помним» – срывается с губ.

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

П/И № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов,
В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова,
В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва),
Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах
<http://sites.google.com/site/sprosia>
и <http://sprosia.narod.ru>

и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Флер-1»

г. Краснодар,

ул. Уральская, 98/2

8(861) 274-10-74

Заказ №

Подписано в печать

10.07.2015 г.

по графику в 10.00,

фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров

Цена свободная